

* * *

Июль обжигает, и варят варенье в тазу,
и пенку снимают, и банки стоят наготове.
Мне – годика три. Я пытаюсь поймать стрекозу
у нас на балконе, но та – улетает на волю.
А где-то в квартире взрывается вдруг граммофон –
Высоцкого голос хрипит про коней и про терем
для детского уха неясным, надсадным стихом –
но тем для ребёнка острее ощущение потери,
острее ощущение беды, что идёт от стиха,
что тихо въедается в стены, как старая копоть...
И там, где утрата, несчастье и тяжесть греха,
я слышу коней: не унять их ликующий топот.

* * *

Уходили на юг, понукали коней,
а вокруг становилось темней и темней.
Им вослед – а глаза-то тревогой полны –
Ярославна глядела с высокой стены.

Летописец, макая перо в киноварь,
«В лето оно» выводит... Но ширится хмарь,
меркнет солнце, и слышатся крики людей
на храпящих в испуге гнедых лошадей.

Вдоль Каялы течёт половецкая рать,
русским воинам в поле – полечь и не встать.
И суровая весть о настигшей беде,
как кровавая пена, плывёт по воде.

Среди русских костей ковыли прорастут,
летописец окончит свой доблестный труд,
всё пройдёт, все забудут... Но, будто во сне,
Ярославна стоит на высокой стене.

* * *

Железо о камень стучит дотемна –
упрямо растёт крепостная стена,
и в землю вгрызаются сваи моста –
людская кипит у реки суета...
Колотят, и рубят, и месят, и трут...
И с шумом гончарный вращается круг...
За стройкой следят неустанно
горгульи с высокого храма.

Концерт

То берут на испуг,
то смеются, то ссорятся басом...
Только флейта в углу
остаётся всё время безгласной.
А лишь дверь отворю –
окажусь на морозной свободе,
но туда, к февралю,
здесь пока что никто не уходит.
Инструменты гремят...
В полумраке прокуренном, зыбком
ты узнаешь меня
по растерянной тихой улыбке.

* * *

Что такое счастье? Свет в глазах
и улыбка радости навстречу,
солнечные блики в волосах,
бесконечный тёплый летний вечер...

Счастье – это мыльный пузырьёк,
в детскую спустившийся ладошку,
это тот неведомый зверёк,
живший где-то рядом понарошку.

Счастье – это первое «люблю»,
сказанное взглядами, и только,
это у рассвета на краю
месяца сияющая долька.

* * *

Я к себе возвращаюсь опять – пусть оно и не ново.
Без обиды и боли к себе возвращаюсь навек.
Над людьми и вещами сияет бессмертное Слово –
только этим порою и может прожить человек.

Я к себе ухожу, как обычно, светло и бесстрашно.
С каждым разом становится легче и радостней путь.
Если было о чём сожалеть – это стало не важно,
для него существует короткое слово «забудь».

Наша жизнь – как кино у Митты – между адом и раем.
Только с Богом возможно весь фильм досмотреть до конца.
Мы в Страстную седмицу для всяких страстей умираем,
чтоб, рыдая, припасть на мгновенье к престолу Творца.

10 апреля 2017 года*

Вот ушёл навсегда человек,
на других не похожий.
И двадцатый вдруг съёжился век –
в нас – шагреновой кожей.
Незаметно сжимается свет
до последнего вздоха.
Если умер сегодня поэт –
как Москва не оглохла?
Как она продолжает дрожать
от машин и трамваев,

---

* В этот день умер поэт Кирилл Ковальджи и отпевали поэта Евгения Евтушенко.

клокоча, грохоча, дребезжа
и везде успевая?..
Святотатством покажутся смех
и весны половодье...
А поэты, незримо для всех,
друг за другом уходят.

* * *

Памяти Александра Лейфера

Уходят на восток
        в последнее скитанье,
натягивает бриз
        седые паруса.
И старый капитан
        переживать не станет,
лишь море задрожит
        в прищуренных глазах.

Уходят корабли.
        Идут светло и свято.
Клокочет вдоль бортов
        зелёная вода.

Уходят в горизонт
        огромные фрегаты,
как тает на заре
        последняя звезда.

И стихнет навсегда
        несказанное слово,
и чей-то стих замрёт
        в измученной груди...

Но капитан глядит
        спокойно и сурово:
о них ещё споют...
        Всё будет впереди.

